Ольга Рощина
Гарри Поттер и Кружка бедняка

Ольга Рощина

Гарри Поттер и Кружка бедняка

https://litres.ru/74696114
SelfPub; 2026

Аннотация

Часть 1 из 6.

Утро 2 мая 1998 года оставляет победителей среди руин. Каким бременем стала победа? Каким был следующий день? А следующий год? Как живет парень, которому еще нет 18 лет, а он уже совершил главный подвиг в своей жизни? Что чувствует? Что собирается делать дальше?

Описан еще один год из жизни Гарри Поттера и его друзей.

Содержание

Глава 1. Мальчик-Который-Выжжен 4
Глава 2. Опустевшая "Нора" 39
Глава 3. Пепел 58
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Гарри Поттер и Кружка бедняка

Глава 1. Мальчик-Который-Выжжен

Здесь было тихо и пыльно. Дом на площади Гриммо, долго пустовавший и давно не видевший хозяйской заботы, был изрядно запущен. После бегства из Министерства в сентябре прошлого года здесь явно побывали пожиратели, однако, особого ущерба имуществу не нанесли — увидев, что жилье заброшенное и пустое, видимо, сразу же ушли. Дом Блэков был почти непригоден для житья, ему требовался серьёзный ремонт и не менее серьёзная уборка. Однако после невыносимой церемонии похорон, которая поставила в битве за Хогвартс последнюю точку, Гарри вернулся именно сюда. Потому что только здесь он мог, наконец, спрятаться и выдохнуть. Укрыться от изматывающего шума и суеты. От благодарных почитателей, которые теперь не только сверлили его взглядами, но при каждом удобном случае окружали и наперебой принимались хватать и галдеть… Гарри не злился на них — он понимал и терпеливо принимал все их слезы, слова и восторги. Отвечал настолько доброжелательно, насколь-

ко вообще мог. Но каждое прикосновение чужих ему людей, любые всплески эмоций были для него настоящим мучением. Каждый раз он тратил весь запас сил, которых и без того не было.

Он был буквально на грани.

Кикимер, вернувшись домой вместе с Гарри, принялся тихонько хлопотать по хозяйству. А Гарри... Он ничего не мог делать. Что-то внутри померкло, и это было непонятно и невероятно мучительно. Казалось бы, Волдеморт повержен. Все позади. Не болел шрам, кончились изматывающие видения, не нужно было бродить по болотам и лесам, ища убежища от егерей, разгадывать тайны тёмной магии и сражаться с пожирателями смерти. Всё! Победа! Живи и радуйся! А на Гарри навалилась липкая, вязкая чернота, сжавшая его в стальные тиски и не дававшая вздохнуть.

Стоило ему закрыть глаза, он видел мёртвого Седрика Диггори.

Тени своих родителей.

Сириуса, исчезающего в арке в Отделе тайн.

Изломанное тело Дамблдора, упавшего с Астрономической башни.

Снова и снова перед ним вставал Грозный Глаз Грюм.

Следом за ним — добрый домовик Добби с кинжалом в животе.

Старина Фред, с улыбкой упавший среди развалин.

Люпин и Тонкс. Их безмятежные, светлые лица.

Отважный и славный Колин Криви. Ох, сколько усилий в свое время прилагал Гарри, чтобы избежать встречи с этим мальчишкой, который всюду ходил за ним, как хвост, смотрел восторженными глазами...

Их было слишком много.

Слишком много смерти для его неполных восемнадцати лет.

Северус Снейп с прокушенным горлом, его черные потухшие глаза.

Пятьдесят павших в битве за Хогвартс.

Даже Букля, верный пернатый друг. Даже его метла «Молния», подарок Сириуса, была уничтожена во время схватки в воздухе...

Это было чересчур много для него одного.

Гарри был совершенно опустошен и потерян. Он вернулся. Он даже победил. Но был вырван из мира живых и чувствовал себя скорее тенью, призраком, чем знаменитым героем и спасителем.

Слишком много нитей безжалостно оборвала смерть. Слишком многое было отобрано, исковеркано, разрушено и растоптано…

Едва он остался один, все пережитое обрушилось на него тяжестью такой непосильной, что он просто задыхался.

Вернувшись, он первым делом тщательно проверил все уголки старого особняка и, убедившись, что он действительно пуст, пробормотал несколько защитных заклинаний, ко-

торые пришли ему в голову. Во время осмотра он нашел на чердаке старые запасы Сириуса — пару ящиков огненного виски, еще что-то похожее… Что ж, находка пришлаась весьма кстати. Он утащил эти ящики вниз, в гостиную. Велел Кикимеру найти для него какой-нибудь еды и, выхватив первую попавшуюся бутылку, нетерпеливо вырвал пыльную пробку. Кажется, он ополовинил ее залпом, глотая огненную жидкость так жадно, как человек, долго скитавшийся по пустыне, пьет воду из прохладного источника… В желудке было пусто, поэтому хмель сразу ударил в голову. Но — сейчас это казалось самым важным! — огромный, колючий узел в груди заметно ослаб. Гарри глотнул еще. Поставил бутылку на пол, рядом положил свои очки и бухнулся на пыльную подушку из темно-зеленого бархата. Облезлая гостиная вращалась вокруг него, подобно гигантскому барабану. Лица погибших, которые тут же возникли перед его внутренним взором, понемногу смешались в однородную массу, а их голоса переплелись и превратились в неразборчивый монотонный гул. Гарри с трудом оторвал голову от подушки, снова дотянулся до бутылки и сделал еще несколько глотков и, с грохотом поставив почти пустую бутыль на место, наконец, отключился.

Блаженное забвение, которого в тот момент он желал больше всего на свете, продлилось несколько часов. Поначалу ему снилось что-то тягучее и бессвязное, потом нечто длинное и липкое стало медленно обвивать его, кольца сжи-

мались все сильнее, мешая пошевелиться. Стало трудно дышать. Гарри попытался освободиться, дёрнулся, вскрикнул…

Видимо, была глубокая ночь, в темной гостиной царила полная тишина, через пыльные стекла пробивался тусклый свет уличных фонарей. Гарри по-прежнему лежал на старом продавленном диване. Он судорожно перевёл дух и вытер мокрый лоб краешком пледа. Плед? Надо же, старина Кикимер позаботился… Голова гудела, как гонг, по которому ударили изо всех сил. Гарри повернулся набок и снова закрыл глаза. Пока не ушла спасительная дремота, нужно снова попытаться уснуть…

В тот раз ему повезло.

Проснувшись утром, Гарри заставил себя проглотить несколько ломтиков хлеба с маслом, выпил чашку чая, который принес ему домовик. Потом, пытаясь найти себе занятие, поднялся наверх. Обошел, одну за другой, все комнаты и, наконец, зашел в спальню Сириуса. И это было той самой ошибкой, которая окончательно опрокинула его в пропасть. Там, на стене, по-прежнему висела старая фотография, с которой ему улыбались четверо юных друзей в гриффиндорских мантиях…

В следующий миг, когда к нему вернулась способность осознавать себя, Гарри обнаружил, что стоит, уперевшись лбом в стену, и отчаянно колотит по ней ногами и кулаками, а из глаз непрерывным потоком текут слезы…

Весь день он, подобно привидению, бродил по комнатам, потом снова глотал виски прямо из горлышка, с яростью пинал пустые бутылки и швырял их в стену. А когда Вальбурга Блэк попыталась заверещать со своего портрета, Гарри заорал не своим голосом и запустил в нее первой попавшейся вазой, сопроводив меткий бросок такими выражениями, от которых покраснел бы отъявленный лондонский забулдыга…

Он опять и опять видел эти лица. Одного за другим. Мучительное видение не оставляло его ни на секунду. И больше Гарри не мог это выносить. Он больше не мог быть сильным, держать себя в руках и изображать героя. В доме на площади Гриммо, кроме него и Кикимера, больше никого не было и притворяться было незачем. Убийственная пустота в сердце была таких размеров, что, кажется, ее не смог бы заполнить даже весь мир. В конце концов обессилев от многочасовых блужданий по лестницам, комнатам и коридорам, Гарри, шатаясь и держась за мебель, снова вернулся в гостиную и, едва не раздавив ногой очки, по-прежнему валявшиеся на полу, рухнул лицом в подушку. Прижался к ней и закричал. Он задыхался от непереносимой тьмы, которая поглотила его. В эту минуту он мечтал лишь об одном: отключиться, чтобы больше ни о чем не думать, ничего не чувствовать.

Чтобы достичь спасительного забвения, он снова потянулся к бутылке и выпил залпом почти половину. Темный барабан снова закружился, Гарри закрыл глаза и понемногу про-

валился тяжелый похмельный сон.

На следующий день он снова принялся блуждать по дому. Но на этот раз на смену ярости пришла усталость и апатия. Все валилось из рук. Так и не найдя себе какого-то осмысленного занятия, Гарри, сам не зная зачем, забрался на чердак и, откинув крышку люка, ведущего на крышу, бесцельно уставился в пасмурное серебристое небо. Свежий прохладный воздух был спасительным, словно дружеское объятие. На полу стоял грубо сбитый низкий деревянный табурет. Гарри бухнулся на него и затих. Мысли разбрелись в разные стороны, и он, отчаянно отгоняя от себя преследующие его образы погибших, стал выхватывать из памяти разные эпизоды прошлого, старательно вспоминая все мельчайшие подробности. Хогвартс, классы и коридоры. Привидения и преподаватели. Уютная гриффиндорская гостиная и старая-добрая кровать с пологом. Сколько разных событий, и горьких, и счастливых. В Хогвартсе он провел шесть самых насыщенных, самых важных лет своей жизни. Хотя всякое бывало. И даже в эти годы он не раз оказывался на грани…

* * *

В тот момент он никак не мог унять дрожь. Привалившись к каменной стене на самом верху Астрономической башни, он сидел, прижимая колени к груди, и пытался совладать с собой. И хотя мартовский воздух был холодный, а промозглая сырость пробирала буквально до костей, он дрожал вовсе не от того, что замерз.

В нем кипела чудовищная ярость, скручивая все внутренности в тугой узел и застилая глаза багровой пеленой. Время от времени он поднимал голову, чтобы сделать глубокий вдох, а потом снова утыкался лбом в колени и крепко сжимал пальцы.

В эту минуту он даже не мог вспомнить, что именно сказал Снейп. За пять лет он уже привык к его ядовитым репликам, но сегодня что-то пошло не так. Всего пара слов. Что он, как и его отец, совершенно не заслуживает того почитания, которым его окружают некоторые экзальтированные личности… Вероятно, сказалась чудовищная усталость, скопившаяся за последние две недели, хроническое недосыпание, постоянные головные боли. Замечание Снейпа стало последней каплей. Гарри вскочил и, вцепившись в край стола так, что пальцы побелели от напряжения, произнес с глухим рычанием:

— Вы не смеете говорить так о моем отце! Не смеете! НЕ СМЕЕТЕ!

Еще мгновение и он прямо при всех набросился бы на профессора зельеварения с кулаками. Из последних сил удерживая себя, Гарри уставился на булькающий котел, рядом с которым стоял ухмыляющийся Снейп. Гарри вдруг заколотило. Столешница, в которую он вцепился, затряслась, и в этот момент из того котла, который он сверлил взглядом, взметнулась мутная волна — кипящее зелье выплеснулось прямо на профессорскую мантию. Класс ахнул, Снейп с воз-

гласом инстинктивно отшатнулся назад, а по его одежде тут же поползло нечто похожее на бурую плесень. Еще мгновение Гарри просто смотрел на происходящее, замерев, а потом стремглав метнулся к выходу. С силой захлопнув за собой дверь, он вложил в это всю ярость, которая в эту минуту разрывала его изнутри, и помчался прочь от ненавистного кабинета, ненавистного профессора. За закрывшейся дверью кабинета с грохотом что-то обрушилось, но Гарри этого уже не услышал — он бежал, бежал, перелетая через две ступеньки, врезаясь в стены коридоров, сам не зная, куда и зачем несется. В голове будто грохотал барабан, было трудно дышать, но он все равно бежал, поднимался все выше. Чтобы только оказаться как можно дальше…

В лицо ударил влажный холодный воздух — это немного отрезвило его. Гарри вдруг обнаружил себя стоящим у самого края наверху Астрономической башни. Еще немного — и он бы просто сорвался вниз…

«Покончить со всем этим, — мелькнула безумная мысль в пылающей голове. — Одно мгновение и все закончится…»

Дурсли испытают только облегчение. Рон и Гермиона… Да, они, конечно, будут очень горевать. Но пройдет немного времени и все утихнет. Они смогут, наконец, утешить друг дружку. А он навсегда избавится от этого кошмара, от этого беспросветного существования. От этих унижений, издевок, от чудовищной усталости, от которой постоянно раскалывается голова. От этого ужаса, который притаился где-

то внутри и иногда поднимает голову, подобно крошечной змее. Один шаг — и все прекратится. Все закончится. Он встретится, наконец, с папой и мамой…

«Твои родители пожертвовали своими жизнями, чтобы защитить тебя», — услышал Гарри в голове голос Люпина. Да, за его спасение была заплачена слишком большая цена. Он не имеет права швырнуть свою жизнь, как ненужную тряпку, в лицо тем, кто пожертвовал собой ради него. Это значило бы предать их… А еще — Сириус. Будто мало ему горя в жизни… Гарри в тот же миг остро устыдился своих мыслей.

Словно очнувшись от горячки, он наконец отошел от края, отступил внутрь башни и, найдя себе угол, где не было сквозняка, сел на пол, прислонившись к стене. Гарри попрежнему дрожал, как осиновый лист. Ярость то и дело сменялась отчаяньем и растерянностью, а потом снова возвращалась, подобно кипящей лаве.

Теперь его точно исключат и лишат палочки. Снейп не упустит такую возможность, а Амбридж только и ждет предлога… Все кончено, это очевидно. Но они сильно ошибаются, если полагают, что он станет покорно выполнять их приказы. Пусть только сунутся… Надо как-то добраться до Лондона, к Сириусу. И они вместе придумают, как быть дальше. Только бы его не перехватили до того. Не отняли палочку… Сначала нужно дождаться темноты и как-то дать знать Рону и Гермионе. Они помогут выбраться из Хогвартса незаме-

ченным. Они помогут… Да, а что потом? Если Амбридж допросит их с веритасерумом и узнает всю правду? Нет, нельзя их впутывать в это дело. Хватит им неприятностей. Решено. До темноты нужно оставаться здесь. И действовать одному…

Гарри опустил голову на колени, закрыл глаза и плотнее закутался в мантию. От переполнявших его ярости, горечи, отчаянья, он совершенно не чувствовал холода. Когда гнев стал остывать, голова отяжелела. Гарри сам не заметил, как погрузился в сон.

Он пошевелился и вздохнул.

— Гермиона! Гляди! Вроде очухался, — раздался рядом приглушенный голос Рона. — Эй, Гарри! Ты меня слышишь?

Гарри открыл глаза. Гермиона с тревогой склонилась над ним.

— Гарри! Как ты себя чувствуешь?

Он протер глаза, сел и огляделся. Это было больничное крыло. Он был в пижаме, в кровати. Рядом на тумбочке стояла большая глиняная бутыль, лежали его очки и волшебная палочка. Значит, еще не забрали…

— Вроде нормально, — проговорил он с облегчением. — Как я сюда попал? Что вы здесь делаете?

Рон нервно усмехнулся.

— Мы искали тебя несколько часов. Пока совсем не стемнело. Потом Гермионе пришло в голову попросить о помощи Почти Безголового Ника, а тот подключил нескольких дру-

гих привидений и… В общем, они-то тебя и нашли в Астрономической башне. Ты едва насмерть не замерз. О чем ты только думал!

— Мне надо убраться отсюда, — Гарри решительно спустил ноги с кровати. — И чем скорее, тем лучше.

— Почему? — удивился Рон. — Да погоди ты! Сядь, не суетись и объясни толком!

— А разве непонятно? — рявкнул Гарри. — Они теперь исключат меня. И лишат палочки. Если вы думаете, что я буду сидеть и ждать…

— Гарри, никто тебя не исключит, — мягко проговорила Гермиона. — О случившемся знает только Снейп и наш класс. Он велел всем держать язык за зубами и…

— Он — что?! — Гарри потрясенно вытаращился на Гермиону.

Он был уверен, что Снейп первым же делом помчится докладывать Амбридж и тогда его исключение будет свершившимся фактом.

— Гарри, все в порядке, — снова заговорила Гермиона. — Амбридж ничего не знает. Снейп ничего ей не сказал. И даже очки не снял с Гриффиндора. Он не отпустил нас до конца урока, хотя Рон просил… А потом велел всем молчать и не отвлекать директора, как он выразился, по таким пустякам.

Гарри снова забрался под одеяло и откинулся на подушку. В это мгновение с него будто свалился десятитонный валун. Только сейчас он осознал, насколько устал и опустошен. На-

сколько чудовищным было напряжение и утомление последних нескольких недель. Последних часов…

— Если честно, все это не выглядело таким уж пустяковым, — бросил Рон. — Сначала котел треснул пополам, а потом… Когда с потолка грохнулась люстра и разнесла в щепки учительский стол — это было очень круто.

— Рон! — зашипела на него Гермиона. — Мадам Помфри запретила…

Она снова повернулась к Гарри быстро затараторила:

— Постарайся не думать об этом, ладно? Тебе нужно отдыхать. Мадам Помфри пустила нас ненадолго и велела ничем тебя не тревожить. Говорит, что только полный покой…

— Я в порядке, Гермиона, — откликнулся Гарри.

Однако по его измученному лицу было видно, насколько он лукавит.

— Мы еще придем, чуть позже, — извиняющимся тоном сказал Рон, поднимаясь. — Ты… это… Не раскисай, дружище. И не пугай нас так больше, пожалуйста.

— Спасибо, Рон, — Гарри выдохнул это, чувствуя прилив благодарности и стыда. Хорошо, что Рон не знает, о чем он думал, стоя на самом краю Астрономической башни и глядя вниз…

Потом пришла мадам Помфри, принесла ему большой поднос еды, заставила выпить какой-то порошок, потом глоток какой-то тягучей зеленой настойки со вкусом и запахом хвои. И он снова вытянулся под одеялом, закрыв глаза. Засы-

пая, он пытался понять, почему Снейп, который так ненавидел его, промолчал. «Я никому не рассказал о том, что увидел в Омуте памяти, — догадался Гарри. — А он решил не докладывать Амбридж о том, что случилось на уроке. Он не любить быть в долгу у врагов. Поэтому теперь мы квиты…»

Засыпая, он с нежностью думал о своих друзьях. Посреди обступившего его кошмара у него все-таки есть, на кого опереться и ради кого бороться.

Он был не один. Ему есть ради кого жить.

* * *

Гарри тряхнул головой, возвращаясь в реальность. Мысль о Роне и Гермионе вспыхнула в заледенелом сердце теплым огоньком. Они всегда были для него источником света. Единственной веской причиной, чтобы держаться за этот мир. В сущности, они и были — весь его мир…

Рон, Гермиона и Джинни. Он пока даже не поговорил с ней толком. У них было лишь несколько минут. Джинни просто молча обняла его, погладила по голове… Но ее руки, ее прикосновения сказали больше, чем все поэмы мира. Ее глаза излучали такое тепло, что даже смотреть было тяжело, дыхание перехватывало… Между ними ничего не изменилось. Его Джинни. Свободная, отважная искорка. Сияющий огонёк в кромешном мраке. Как она на него посмотрела! Никогда в ее взгляде не было столько любви, как в то мгновение...

Нет. Как бы ни было невыносимо, он никогда не совершит непоправимое. Ради них. Но…

Гарри снова остро ощутил свою отверженность, оторванность от мира живых. Здесь и сейчас он был абсолютно один. После похорон Гермиона собиралась сразу лететь в Австралию, искать родителей. Кажется, даже успела зарезервировать билет. Рон ни на минуту не мог оставить Джорджа, это был вопрос жизни и смерти… Джинни была с матерью, чье горе было огромным, как море. Полумна сразу же умчалась искать отца. А Невилла ни на мгновение не отпускала от себя его великолепная бабушка. Все было правильно, Гарри это отлично понимал. Каждый, кто выжил, переживал собственное горе. В каждом сердце бушевала своя буря… Именно поэтому он отказался ехать в «Нору» вместе с остальными Уизли, хотя и Рон, и Артур настойчиво пытались его уговорить.

— Пару дней просто отдохну, а потом приеду к вам, ладно? — сказал он им тогда, прощаясь. Но это была отговорка.

Гарри не смог заставить себя вернуться в «Нору» в тот же самый день, когда тело Фреда было предано земле. Его мучила чудовищная вина, разъедала невыносимая, беспросветная усталость. Казалось, что он, едва переступив порог, непоправимо осквернит своей смоляной тьмой этот теплый, добрый дом. А он этого не хотел. Этот адский огонь не выйдет наружу. Ни капли яда не выплеснется на тех, кто ему дорог. Больше он никогда никому не навредит. И особенно семье Уизли. Хватит с них проблем. Он не станет обременять их сверх меры…

Он ушел сразу после похорон. Добрался до Хогсмида, трансгрессировал на площадь Гриммо. Надеялся найти в тишине и уединении заброшенного дома спасительную каплю покоя. Собраться с силами и, спрятавшись от всего мира, самому побороть тьму, которая на него навалилась…

Не вышло. Боль, будто горячая смола, поглотила его целиком. Он не мог противостоять этому смертоносному потоку.

Почему? Гарри смотрел на тусклое серебряное небо, снова и снова задавая себе этот вопрос. Почему так невыносимо тяжело? Так, что свет померк, а легкие будто сжали стальные тиски. Именно сейчас, когда все уже позади…

Когда эта боль овладела им? Почему?

В первый час или два после окончания битвы он не мог даже дух перевести — его тянули в разные стороны, кто-то рыдал, уткнувшись в плечо, кто-то тут же пытался обнять, все кричали и говорили одновременно. Ничего невозможно было разобрать. И каждый громкий звук, каждое прикосновение отдавались болью в теле. Он едва вырвался, спасибо Полумне, выручила… Потом оставалось еще одно важное дело. И хотя перед глазами уже все плыло от усталости, Рон и Гермиона заслуживали этого последнего усилия. Слишком долго они шли рядом с ним, разделяя все опасности и страдания. Он просто обязан был сделать это для них…

* * *

— Сюда, — сказал Гарри, открывая дверь пустой классной комнаты.

Они зашли внутрь. Все вокруг было вверх дном — парты перевернуты, стулья сломаны, в дальнем углу виднелся огромный книжный шкаф, лежавший на боку посреди груды разбросанных книг и битого стекла.

Гарри снял, наконец, мантию-невидимку и, найдя себе целый стул, поставил его на ножки и сел. Друзья, не говоря ни слова, сделали то же самое.

— Вот и все, — вдруг полушепотом выдохнула Гермиона и подняла глаза на Гарри.

— Да, — так же тихо ответил он. И, бросив быстрый взгляд на нее, потом на Рона, опустил голову и уставился на свои грязные ботинки.

Снова воцарилась тишина.

— Я должен вам все объяснить, — наконец заговорил Гарри, собравшись с мыслями. — И думаю, что лучше всего сделать это сейчас. Не откладывая.

— Мы искали тебя, — глухо бросил Рон. — Мы везде тебя искали. И в конце концов наткнулись на Невилла, который сказал, что видел, как ты куда-то ушел под мантией-невидимкой…

Гермиона издала сдавленный писк и, отвернувшись, вцепилась в ладонь Рона. Он понимающе погладил ее по руке.

— Так было нужно, — устало сказал Гарри, у которого сжалось сердце. — Это Снейп… Он все показал мне. В Омуте памяти. Как они в детстве познакомились с моей мамой, как подружились, как вместе поехали в Хогвартс. Как по-

том поссорились… И потом, когда они погибли, он поклялся Дамблдору защищать меня. В память о маме.

— Хорошенькая защита, — проворчал Рон сердито. — Шесть лет только и делал, что издевался…

Гарри тяжело вздохнул.

— Это все из-за отца, — объяснил он. — Они встретились в поезде в Хогвартс и уже там успели поцапаться. И с первого дня возненавидели друг дружку. Вечно делали пакости… А потом моя мама стала встречаться с папой, и Снейп… В общем, он, видимо, так и не смог забыть все это. Неудивительно, что он так невзлюбил меня с первой встречи. Я ведь и правда очень похож на папу. Но он столько раз рисковал, чтобы помочь Дамблдору и сохранить мне жизнь… Не любил, но все равно защищал...

— Почему он вдруг решил тебе показать все это в самый последний момент? — спросила Гермиона. — За минуту до смерти вспоминать какие-то древние обиды…

— Потому что он обязательно должен был открыть мне правду, — ответил Гарри. — Это было самое важное в плане. Дамблдор приказал ему сделать это как можно позже, когда Реддл станет переживать за сохранность своей змеи. А тот решил убить Снейпа. Из-за этого все едва не пошло прахом.

— Что такого важного-то? — спросил Рон.

Гарри набрал в грудь воздуха и, преодолевая чудовищную усталость и неловкость, произнес:

— Дело в том, что… Тогда, в Годриковой впадине. Ко-

гда он убил моих родителей, а потом попытался убить меня, заклятие отскочило. Из-за защиты, которую дала мне мать. И… В общем, так получилось, что осколок его души попал в меня. Я стал крестражем, который Реддл не собирался создавать, о котором он не подозревал. Именно поэтому я понимал, что он чувствует, мог проникать в его мысли. И именно поэтому умел разговаривать со змеями. Из-за того, что часть его была во мне.

Гермиона ахнула, зажав рукой рот.

— Гарри… — выдохнула она, потрясенно глядя на него. — Это значит, что… О, великий Мерлин.

Гарри кивнул, старательно разглядывая свои ботинки.

— Да, ты все поняла правильно, Гермиона, — полушепотом ответил он. — Другого выхода не было.

— Мы думали… — сдавленно произнес Рон, нервно вцепившись себе в волосы. — Что ты просто сдался. Из-за этого его ультиматума. Господи, Гарри…

Гарри судорожно перевел дух и продолжил.

— Мне нужно было оставить кого-то вместо себя, чтобы про Нагайну знали не только вы, но и еще кто-то третий. Поэтому, когда во дворе я встретил Невилла, я сказал ему про змею. Он, молодчина, не подвел… Но Невилл не знает, что это был крестраж. Про это вообще никто не знает, кроме нас троих, и я не знаю, стоит ли вообще распространяться об этом…

— Ты прав, Гарри, — кивнула Гермиона, — пусть это так

и останется тайной. Чем меньше люди слышат о подобной магии, тем меньше будет соблазна… Скажешь что-нибудь про темные артефакты, они проглотят это без вопросов.

— Даже если Гарри расскажет им наизусть таблицу умножения, это напечатают все волшебные газеты Великобритании, — усмехнулся Рон.

Гарри прыснул.

— Боюсь, дружище, что я сейчас не в состоянии совершить такой подвиг, — ответил он. — Помню что-то про дважды два четыре, дальше смутно.

— Почему ты остался жив? — вдруг тихо спросила Гермиона, сверля Гарри пронзительным взглядом. — Если я правильно понимаю, он должен был убить тебя. Сам. Своей рукой. Только тогда крестраж…

Тот кивнул и снова опустил голову.

— Так и было, — еле слышно прошептал он. — Я пошел в лес и отыскал его. И…

Голос у него сорвался. Гарри закрыл глаза и отвернулся.

Рон порывисто прижал его к себе.

— Это чудо, — прошептал он потрясенно. — То, что ты сейчас здесь, что я вижу тебя. Это какое-то чудо, Гарри… Небеса святые.

— Он просто набитый дурак, — сдавленно выдохнул тот, стараясь снова собраться с силами. — Когда во время Турнира он сделал тот ритуал, на кладбище, он взял мою кровь. Решил, что так он обойдет защиту, которую дала мне моя

мать, и после этого без труда расправится со мной. А вместо этого…

— Боже мой, — воскликнула Гермиона. — Но ведь… Но как это вообще возможно?! Часть его души была в тебе, а в его теле — часть твоей крови! Но ведь это...

Гарри снова закивал, разжал руки, освобождаясь из объятий Рона, и снова принялся рассматривать пыльные ботинки.

— Да. Он просто дал мне шанс вернуться, — сказал он. — Сам стал для меня таким своеобразным крестражем, сохраняя в своем теле защитные чары моей матери. Поэтому когда… В общем, он уничтожил осколок своей души, а у меня появилась возможность…

— То есть, когда он… — начал Рон и, метнув быстрый взгляд на друга, осекся. — Заклятие не просто отскочило, как тогда, в детстве…

Гарри помотал головой и машинально потер грудь ладонью. Место, куда попало убивающее заклятие, все еще сильно болело.

— Мерлин великий… — выдохнул Рон, потрясенно глядя на него.

— В общем, в какой-то момент я очухался на земле. А потом услышал, как кого-то послали проверить, — проговорил Гарри. — Нарцисса, конечно же, сразу поняла, что я жив. Но она солгала им. Спросила у меня про Драко, а потом крикнула всем, что я убит. И они двинулись к замку. Остальное

вы видели.

— И эта тварь орала что-то про попытку бегства, — прошипел Рон. — Убил бы...

— Поздно, — усмехнулся Гарри. — Я слегка тебя опередил.

Они засмеялись, Рон снова обнял друга, взъерошив ему волосы.

Гермиона еще несколько мгновений молча смотрела на него, не в силах произнести ни слова. А потом вдруг встрепенулась.

— Гарри… Снитч. Что все-таки Дамблдор оставил тебе? — спросила она осторожно.

— Воскрешающий камень, — чуть помявшись, ответил он.

— И он?..

Гарри кивнул.

— Да. Сработал.

Гермиона снова ахнула. Рон пробормотал какое-то ругательство.

— Погоди…

Гермиона лихорадочно соображала, потом подняла на Гарри изумленный взгляд.

— Но ведь тогда получается, что ты… Гарри! Мантия, камень, палочка. Это что? Это всё твоё, да?

Гарри снова кивнул.

— Задери меня гиппогриф, — воскликнул Рон. — Выхо-

дит, что ты это… повелитель смерти, что ли?

— Выходит, что так, — устало сказал Гарри и поднялся с места. — Пойдемте. Мне нужно сделать еще кое-что. И покончить уже со всем этим.

Они тоже встали и вышли из классной комнаты в полном молчании…

* * *

В те минуты ему больше всего на свете хотелось просто упасть и заснуть. Однако, вырвавшись, наконец из рук восторженных поклонников и добравшись до входа в гостиную Гриффиндора, Гарри увидел, что Полную Даму заменили портретом какого-то зловещего колдуна. Он был старым, лысым и беззубым, а на спине явственно просматривался горб. Действительно, за последний год Хогвартс сильно изменился...

Вход заперт. Нужен пароль, а Гарри его не знал. Болван! Прежде, чем подниматься в башню, следовало спросить у кого-то из гриффиндорцев. Да, внутрь сейчас не попасть... Это неожиданно остро задело его: словно незваный гость, как чужак, он переминался с ноги на ногу у входа в единственное место, где всегда чувствовал себя как дома...

Гарри попытался войти просто так, однако колдун смерил его презрительным взглядом, фыркнул и демонстративно повернулся спиной. Гарри вздохнул и начал медленно спускаться по лестнице, не имея ни малейшего понятия, что делать и куда идти. Над замком уже давно поднялось сия-

ющее солнце, заливающее все вокруг прекрасным золотым светом нового дня. Но и в душе, и в теле он чувствовал только всепоглощающую, смертельную усталость. Казалось, что у него болела каждая кость, каждая мышца тела. Сердце тяжело трепыхалось в груди, взывая хотя бы о небольшой передышке, о нескольких минутах покоя и тишины... В какой-то момент навстречу снова стали попадаться люди, количество желающих сказать ему что-то и пожать руку опять стало угрожающе расти. Это было совершенно невыносимо…

— Поттер! Пожалуйста, подойдите ко мне. А вы все, будьте любезны, оставьте нас.

Он был спасен. Это мадам Помфри торопливо шла к нему навстречу. Лицо у нее было суровое.

— Благодарю вас, — облегченно выдохнул Гарри, когда она подошла и решительно взяла его под локоть.

— О, ни слова больше, — откликнулась целительница. — Пойдемте со мной.

Она повела его в больничное крыло. Там все кровати были заняты ранеными, туда-сюда сновали люди с носилками и склянками. Из дальнего угла, загороженного большой ширмой, доносились чьи-то громкие стоны. И хотя все старались создавать поменьше шума, в воздухе все равно стоял гул из самых разных звуков, каждый из которых вызывал у Гарри лишь досаду и тяжелое раздражение. Это было совсем не то, чего сейчас жаждал весь его измученный организм… Однако, мадам Помфри повлекла его дальше, мимо

всех ширм и кроватей, ткнула палочкой в невысокую темную дверь и, впустив Гарри внутрь, зашла сама. Дверь с сухим щелчком захлопнулась. Гарри огляделся по сторонам: это была небольшая уютная комната, обставленная старинной темной мебелью. У стены находилась массивная кровать с пологом. Мадам Помфри снова взмахнула палочкой — стрельчатые окна, в которые бил ослепительный солнечный свет, сразу потемнели.

— Поттер, все, что вам сейчас нужно, это полный покой, — наконец проговорила целительница. — Я категорически настаиваю, чтобы вы оставались здесь столько, сколько потребуется. Вон там — ванная, через полминуты у вас будет все необходимое. Сюда никто не войдет, вы не услышите ни единого звука, клянусь святым Мунго! Полный покой!

Она извлекла из шкафа зеленую бутыль и налила из нее большую кружку какого-то отвара. Дотронулась до кружки палочкой, от нагревшейся жидкости пошел ароматный пар.

— И вот еще. Перед тем, как лечь в постель, пожалуйста, выпейте вот это, — произнесла мадам Помфри, поставив кружку на столик рядом с кроватью.

У Гарри едва хватило сил пробормотать «спасибо».

Целительница вздохнула и, кивнув ему на прощание, вышла, плотно прикрыв за собой дверь, и в это же мгновение в комнате воцарились густой обволакивающий полумрак и полная тишина. Гарри, собрав последние силы, принялся стягивать с себя одежду, потом наскоро ополоснул лицо и

руки, бухнулся ничком на застеленную кровать, натянув на себя уголок покрывала. Он отключился мгновенно, едва голова коснулась подушки.

Когда Гарри разлепил глаза в следующий раз, он даже не сразу вспомнил, где находится. Огляделся вокруг, потом дотянулся до прикроватной тумбочки. Взял старые часы Фабиана Пруэтта, подаренные ему на совершеннолетие: было около половины шестого утра. По всему выходило, что он спал почти сутки. Без снов, без чувств, спокойно и крепко. В комнате царил полумрак и абсолютная тишина. Но едва Гарри спустил ноги с кровати, раздался негромкий шелест, и в посветлевшие окна проникли нежные лучи поднимающегося солнца. Он посмотрел на пол, задумчиво пошевелил ногой груду чудовищно грязной одежды, лежащей на полу. Снова огляделся, пытаясь найти свои вещи: мешочек из ишачьей кожи, три волшебные палочки лежали на столике. Он не мог вспомнить, как все это туда положил…

— Кикимер! — тихонько позвал Гарри.

С громким хлопком перед ним возник старый эльф-домовик.

— Хозяин! — произнес знакомый квакающий голосок.

— Рад тебя видеть, Кикимер, — вздохнув, улыбнулся ему Гарри. — Как ты? В порядке?

Старый эльф растроганно поклонился.

— Спасибо, хозяин, все хорошо. Вы слишком добры.

— Мне нужно во что-то переодеться, — Гарри показал на

груду грязной одежды на полу. — Ты не мог бы раздобыть мне все необходимое? И еще сообрази чего-нибудь поесть — я не ел с позавчерашнего дня.

— Слушаюсь, хозяин. Кикимер все для вас сделает!

Эльф сгреб тряпки в охапку и трансгрессировал, а Гарри поплелся в ванную, где долго-долго с наслаждением стоял под горячими струями воды, смывая с себя пыль и грязь прошлого дня. О, если бы он мог также легко смыть всю черноту и боль со своего сердца... Когда Гарри вышел из ванной, его уже ждала стопка чистой одежды и огромный поднос с едой и кофе. Он натянул на себя футболку и, выхватив с подноса первое, что попалось под руку, с жадностью впился зубами в сэндвич, глотая большие куски, едва прожевав. Ему казалось, что он никогда не ел ничего вкуснее.

Эльф стоял рядом и смотрел на него огромными глазами, на его морщинистом лице даже мелькнуло что-то вроде улыбки.

— Спасибо, Кикимер, — хрипло произнес Гарри, наконец отодвинув поднос, потому что больше не мог проглотить ни крошки. — Ты вернул меня к жизни.

— О, хозяин, долг Кикимера — служить вам, наследнику хозяина Сириуса, — с легким поклоном проквакал эльф.

— Я надеялся, что ты помогаешь мне не только из-за долга, — с печалью ответил Гарри, глядя на него.

— О, конечно, молодой хозяин! — воскликнул домовик. — Кикимер рад служить вам.

— Сейчас пока отправляйся к остальным эльфам, — улыбнулся ему Гарри. — Спасибо тебе огромное!

Эльф поклонился и, забрав поднос, исчез. А Гарри собрался, оделся и направился к двери.

Было раннее утро, все пациенты в больничном крыле еще спали. Мадам Помфри дремала на складной кушетке рядом с дверью. И хотя Гарри ступал очень осторожно, почти бесшумно, опытная сиделка мгновенно открыла глаза и, увидев его, немедленно поднялась навстречу.

— Поттер! — спросила она шепотом, подходя к нему. — Все в порядке? Вам что-нибудь нужно?

— Нет, благодарю вас, мадам Помфри. Все хорошо.

— О, мой дорогой, вам стоит только сказать...

— Не беспокойтесь за меня, — чуть смутившись, проговорил Гарри. И сделав паузу, спросил:

— Вы не знаете, где...

— Мисс Грейнджер и мистер Уизли? — угадала его вопрос целительница. — С ними все в порядке. Они провели у ваших дверей почти весь день. Вечером я отправила их ночевать в башню Гриффиндора. В замке сейчас много народу. Ведь сегодня похороны...

Гарри отвел глаза в сторону.

— Недалеко от Хогсмида нашли большой кусок земли, — тихо продолжила мадам Помфри. — Там решено похоронить всех, кто погиб в битве за Хогвартс. Всех вместе. Подготовка шла весь вчерашний день. К вечеру начали собираться

семьи погибших. Волшебники ночуют в замке, маглов разместили в окрестных деревнях. Сегодня в полдень...

Волшебница положила руку ему на плечо.

— Это будет нелегко, Поттер. Знайте: любая помощь, все что угодно...

— Да, спасибо, мадам Помфри, — откликнулся Гарри, не поднимая взгляд. — Я в порядке.

Он неловко кивнул, дернул плечами и быстро пошел к выходу.

Выйдя из больничного крыла, Гарри, чуть постояв в нерешительности, огляделся и направился в Большой зал. В замке было тихо, в этот ранний час все еще спали. Повсюду были видны следы прошедшего побоища: обломки, груды камней, рухнувшие стены, темные пятна на полу и отметины на колоннах. Во многих местах лестницы были повреждены или полностью разрушены. «Убить Волдеморта, а через день свернуть себе шею на руинах. Не хотелось бы получить приз за самую нелепую смерть», — ухмыльнулся про себя Гарри, осторожно обходя рухнувшую балюстраду.

Наконец, он спустился по мраморной лестнице в вестибюль. Двери в Большой зал были приоткрыты. Гарри скользнул внутрь и застыл на пороге.

За прошедшие сутки значительную часть помещения успели расчистить. Там в несколько рядов поставили гробы. Кое-где рядом с телами погибших сидели родные. В рассветном полумраке Гарри разглядел рыжую голову Джорджа, и

сердце у него похолодело. Он осторожно подошел поближе. Рядом с сыном сидела бледная миссис Уизли с опухшим посеревшим лицом.

Молли услышала его шаги, подняла голову, судорожно выдохнула:

— О, Гарри...

Он обнял ее и опустился рядом.

Они сидели, не шевелясь. Молча. Что тут скажешь? Гарри снова скрутила острая боль. Невыносимое чувство вины перед миссис Уизли, перед Джорджем, который сидел рядом с матерью, но вообще ничего вокруг не замечал. Иногда он гладил по голове мёртвого брата, а мать лишь крепче сжимала его плечо. Гарри боялся смотреть на Джорджа. Боялся встретиться с ним взглядом, даже на мгновение. Он пристально всматривался в неестественно-белое лицо Фреда в гробу, который будто спал и улыбался во сне. Смотрел, стараясь запомнить его навсегда. И никак не мог поверить в то, что видит. Не мог согласиться с этой очевидной и страшной правдой: сегодня в полдень всё будет кончено. Они больше никогда не увидят Фреда, не услышат его смех, не сыграют с ним в квиддич, не выпьют сливочного пива у мадам Розмерты. Гарри никогда не побывает на его свадьбе, не увидит крестины его детей. Фред ушел. Навсегда...

Чувствуя, что горе черной волной грозит поглотить его с головой, Гарри тряхнул головой и резко отвернулся. Огляделся. Лица погибших, которые он видел вокруг, были бледн-

ными и умиротворенными. На них не было ни страха, ни боли. И волна свинцовой, ядовитой горечи настигла его. Мир, как ни в чем не бывало, продолжил свое существование, солнце по-прежнему всходило над землей, словно и не замечая десятки гробов, нисколько не сожалея о том, что все эти люди больше никогда не увидят рассвет.

Сердце колотилось, словно тяжелое пушечное ядро. В горле застрял колючий ком. Гарри судорожно сглотнул, пытаясь овладеть собой. Ничто и никогда больше не будет, как прежде — он вдруг осознал это с мучительной ясностью.

Он встал. Медленно и бесшумно пошел от одного гроба к другому, вглядываясь в лица погибших. Он хотел посмотреть на всех. Запомнить каждого. Хотел найти Римуса Люпина и Тонкс и одновременно страшился этого… Да. Вот и они. Рядом и в жизни, и в смерти. Гарри протянул руку, чтобы коснуться лба своего учителя и друга и вдруг понял, что не может унять дрожь. Римус совсем не был похож на мертвеца, он будто спал… Гарри зачем-то поправил ему воротник, машинально отметив, что покойный холоден, как лёд. Вгляделся в серое застывшее лицо. Еще несколько часов назад Римус показывал всем фотографию своего новорожденного сына, и глаза его сияли…

* * *

Мысль о Люпине резанула по сердцу, подобно раскаленному ножу. Гарри вздрогнул всем телом. И в это же мгновение из раскрытого люка на голову брызнула вода: в Лондо-

не начался дождь. Гарри поднял лицо. И прохладные капли, падавшие с неба, смешались со жгучими слезами, которые потекли из глаз. Он неподвижно сидел под дождем до тех пор, пока не промок до нитки. Весь мир исчез, реальным было лишь это плачущее небо и он. Холодные капли и горячие слезы, смешавшиеся и стекающие по его щекам.

Гарри вдруг заново ощутил собственное тело. Дождь вернул ему способность ощущать самого себя. Свою кожу, свои руки. Это было странно и одновременно воспринималось, как маленькая победа — вернуть себе собственное тело. Ощутить себя не призраком, а человеком из плоти и крови.

И хотя Гарри промок до нитки, уходить ему не хотелось. Под дождем боль на время утихла, а мучительные мысли смолкли. Вода с неба казалась ему диковинным целебным зельем, она словно попадала прямо в душу, деликатно омывая кровоточащие раны и принося облегчение. Раньше он никогда не думал, что простой дождь может лечить душу. Все мысли, воспоминания и терзания временно отступили. Почувствовав облегчение, он почти наслаждался этой паузой, этим мгновением тишины.

Когда поток прекратился, Гарри вздохнул, поднялся с места, захлопнул люк и спустился вниз, в гостиную, где Кикимер уже хлопотал вокруг старого овального столика. Гарри даже улыбнулся: старый домовик раздобыл где-то чистую скатерть, красиво расставил несколько тарелок с бутербродами, сыром и вяленым мясом. От закрытого полотенцем се-

ребряного блюда так вкусно пахло свежеиспеченным пирогом, что Гарри впервые за три дня ощутил настоящий голод.

Сладостное мгновение покоя, увы, длилось недолго. Насытившись, Гарри поблагодарил Кикимера и устало бухнулся на диван. И вдруг вспомнил, что последний раз он так ел еще в Хогвартсе. Ранним утром, сразу после пробуждения. А потом спустился в Большой зал. И с того мгновения даже мысль о еде стала для него отвратительной и кощунственной. В тот день весь мир померк и исчез в волнах всеобщей скорби. От замка в сторону Хогсмида потянулась грандиозная похоронная процессия…

* * *

Гарри был вместе со всеми. Он механически переставлял ноги, голова его была пуста, а в груди будто застряло тяжеленное пушечное ядро… Гермиона шагала рядом, свирепо отгоняя всякого, кто пытался к нему приблизиться. Благо, что желающих было немного.

Когда процессия достигла темного шатра, разбитого на большой поляне, Гермиона осторожно взяла Гарри под руку.

— Маглы не могут попасть в Хогвартс, — прошептала она. — Поэтому для них устроили прощание в Хогсмиде.

Он подошел ближе и среди прочих вдруг разглядел белое лицо Колина Криви. Рядом с телом мальчика сидели родители и младший брат Деннис. «Мой отец молочник и даже сейчас не очень верит в магию», — вспомнил Гарри слова своего верного поклонника.

Внутри все перевернулось и заныло.

— Гермиона, — позвал Гарри едва слышно. — Мне нужно сделать кое-что. Ты можешь мне помочь?

Они отошли в сторону, перекинулись парой слов. Потом снова подошли к родным Колина, как смогли, выразили соболезнования и синхронно достали палочки. С мелодичным звуком полыхнуло сверкающее пламя, и пестрое покрывало, которым было прикрыто тело, превратилось в алое знамя Гриффиндора. Золотой лев заблестел на солнце. Гарри склонился над мальчиком, поцеловал ледяной лоб, потом тщательно поправил алое полотнище. Помедлив, наконец выпрямился и склонил голову, вглядываясь в лицо умершего. Гарри простился со всеми, кто был ему дорог, еще утром, в Большом зале. Фред, Тонкс, Люпин... Остался только Колин.

Сотни взглядов в эту минуту были устремлены на него, но Гарри ничего не замечал и не мог вымолвить ни слова. Через мгновение тут и там зашелестели золотые всполохи. Желтое знамя Пуффендуя, синее полотнище Когтеврана, снова алый цвет Гриффиндора... Хогвартс оплакивал своих погибших учеников. Послышались чьи-то громкие рыдания...

Церемония была очень простой, кто-то что-то говорил, кажется, Кингсли Бруствер. Гарри не слышал ни единого слова. Отойдя от семейства Криви, он встал чуть поодаль и замер. Он словно заледенел, погрузился с головой в темную полынью горя, вины, тоски и усталости. В это мгновение ему отчетливо вспомнилась обжигающе-ледяная вода, в которую

он нырял за мечом Гриффиндора в королевском лесу Дин. Сейчас он чувствовал себя примерно так же. Цепочка крестража тогда сжимала ему горло, а он отчаянно бился об лёд и никак не мог выбраться на поверхность.

Гарри не хватало воздуха.

— Скоро всё закончится.

Кто-то крепко сжал его ладонь.

Гермиона. Ее горячее рукопожатие. Только она была сейчас рядом с ним: Рон и Джинни были со своей семьей...

За несколько минут до конца церемонии она, не говоря ни слова, увела его прочь, избавив от необходимости общаться с кем-либо. Гермионе не нужно было ничего объяснять. Недаром она была его лучшим другом.

Глава 2. Опустевшая "Нора"

— Джорджи, пожалуйста, открой дверь. Последний раз прошу! Я сейчас вынесу ее к чертовой матери!

Рон еще энергичнее заколотил кулаком по темной потертой поверхности. Через несколько минут непрерывного грохота дверь наконец распахнулась. Джордж молча сверлил младшего брата уставшим, пустым взглядом. Иссиня-бледный, осунувшийся, он словно постарел на целую жизнь и был совершенно не похож на себя. Толстовка была в каких-то засохших пятнах, на штанах чуть ниже колена зияла дырка, давно немытые волосы торчали неопрятными сосульками, на лице — многодневная щетина.

— Чего тебе опять? — угрюмо спросил он, глядя на Рона. — Мне нужно поговорить с Фредди, а ты мне мешаешь.

По лестнице стремительно взбежала Джинни, встревоженная грохотом наверху. Рон, бросив на ее быстрый взгляд, произнес:

— Джин, что бы ни происходило, не заходи сюда, хорошо? И ни в коем случае не пускай маму. Принеси какой-нибудь еды, оставь поднос под дверью, я потом заберу. Я попробую сам...

Он зашел в комнату и запер дверь изнутри. И замер, глядя на брата с невыразимой болью. Джордж по-прежнему глядел на него пустым, потухшим взглядом. У него был вид безум-

ца, которого разбудили в неурочный час прямо посередине его болезненных сновидений. Сердце у Рона ушло в пятки — брат явно находился на грани помешательства...

— Джорджи, ты когда последний раз ел? — спросил он осторожно, спустя какое-то время.

Тот удивился неожиданному вопросу.

— Не знаю, — ответил он. — Скажи маме, что мне не хочется есть. Я потом с Фредди поужинаю, когда он вернется.

Рон сглотнул жуткий ком в горле. Нельзя было сейчас позволять своим чувствам взять верх. Кто-то из них двоих должен был быть сильным и это точно был не Джордж...

— Фредди уехал внезапно, — проговорил он глухо. — И просил передать тебе, чтобы ты его не ждал. Он сегодня не вернется. Давай, перекусим вместе. Ты плохо выглядишь, брат.

— Я не хочу есть, — повторил Джордж тем же монотонным голосом.

— Знаю, что не хочешь, — сказал Рон. — Но нельзя же морить себя голодом. Что скажет Фредди, если ты заболеешь? Ему вряд ли это понравится.

— Да, наверное, — вздохнул близнец.

— Я сейчас!

Рон, воспользовавшись удобным моментом, открыл дверь. Поднос, полный еды, уже стоял у порога. Он забрал его, снова захлопнул дверь, запер на ключ.

— Вот, смотри.

Он поставил поднос на стол. Джордж бросил на еду тот же пустой взгляд.

— Садись.

Рон пододвинул стул, близнец послушно сел рядом.

— Давай, один тост мне, один тебе, идет? — сказал Рон, протягивая ему кусочек поджаренного хлеба с тонким слоем масла.

Джордж взял его, равнодушно откусил, прожевал. Рон сделал то же самое. Они доели каждый свой ломтик.

— Еще один? — предложил Рон.

Тот покачал головой.

— Тогда по чашке какао, — сказал Рон. На подносе стояли две пустые чашки и большой термос. Джордж неуверенно покачал головой, поэтому Рон опять воспользовался моментом и разлил горячий напиток по чашкам.

— Держи.

Джордж послушно взял чашку, сделал глоток. Потом еще один. Поставил обратно на поднос пустую чашку, повернул голову и лицо его будто озарилось изнутри.

— Фредди!

Он вскочил и кинулся куда-то в другой конец комнаты. Рон едва сдержал возглас ужаса, увидев, как брат со счастливой улыбкой, не мигая, смотрит на свое отражени в небольшом зеркале, висящем на стене.

— Джорджи...

Тот сердито дернул плечом.

— Ронни, не лезь. Нам с Фредди нужно кое-что обсудить, оставь нас.

— Джорджи... Он тебе не ответит.

Тот повернулся, гневно сверкнув глазами.

— Фредди всегда мне отвечает! Ты еще глупенький и не понимаешь...

Рон снова сглотнул ком в горле. Взял брата за плечи и рывком развернул к себе.

— Послушай меня! — рявкнул он. — Фредди не ответит! Его нет. Джорджи, его больше нет. Он ушел. Навсегда.

Тот остолбенел и не мигая смотрел на младшего брата, явно не понимая, о чем тот говорит. Рон с силой сдернул зеркало со стены и ахнул серебряную поверхность на пол. Из-под рамы метнулись серебряные искры мелких осколков. Джордж вскрикнул от неожиданного грохота и будто очнулся от сна. Лицо у него мгновенно почернело. Весь ужас, который он осознал в эту секунду, поднялся из глубины и полностью поглотил его. Джордж бросился на колени, поднял раму — из нее выпали несколько больших зеркальных осколков, разломившись еще на несколько частей...

Бухнувшись с ним рядом, Рон успел перехватить его руку и выбить острый кусок из ослабевших пальцев. Осколок отлетел под стул, Джордж схватился за голову и зажмурил глаза.

Комнату наполнил тоскливый, душераздирающий вой. Нет, близнец не плакал, глаза у него были воспаленные, крас-

ные, но совершенно сухие. Он выл, как воет перед смертью тяжело раненный зверь, попавший в капкан. Из глаз у Рона хлынули слезы, он со всей силы прижал брата к себе, всхлипывая и дрожа. Никогда он не слышал ничего более страшного, чем этот жуткий, протяжный, горестный вопль. Это был звук самого чудовищного отчаянья, самого безысходного горя, какое только есть на свете. Было ясно, что от такой боли не бывает лекарства...

— Пусти меня, — глухо выдохнул Джордж, немного успокоившись. — Мне нужно к нему... Мы всегда вместе. Мне нужно к нему. Пусти!

— Нет, — всхлипнул Рон, еще теснее сжимая руки. — Ни за что. Джорджи, тогда нам всем придется... И маме, и папе, и мне, и Джинни. Всем вместе.

— Но он там один, — упрямо повторил Джордж и снова дернулся. — Он не сможет один, без меня. А я все равно не смогу без него. Оставь меня, Ронни!

Тот снова всхлипнул, но хватку не ослабил.

— Пусти! Пусти меня! — завопил Джордж не своим голосом, вырываясь у него из рук. — Мне нужно к нему! Фредди там один! Он не сможет один! Мне нужно к нему! Фредди!

Рон, захлебываясь от плача, прижал брата к себе еще сильнее. Джордж задрожал всем телом, снова истошно закричал. И из его глаз, наконец, хлынули спасительные слезы...

Они целую вечность сидели на полу, прижавшись друг к

другу. Джордж вцепился в брата и плакал навзрыд, раскачиваясь из стороны в сторону. Рон гладил его по голове и тихонько всхлипывал. Через какое-то время у них обоих иссякли слезы и отупляющая, свинцовая усталость стиснула их мягкими лапами. Рон поднялся на ноги, помог встать Джорджу и отвел его к кровати.

— Ложись, — тихонько проговорил он, подталкивая обессилевшего брата к постели. — Тебе нужно поспать.

Джордж послушно бухнулся лицом в подушку. Рон стащил с него обувь, накрыл его одеялом и сел рядом. Брат посмотрел на него так отчаянно и страшно, что Рон торопливо проговорил:

— Не бойся, я никуда не уйду. Ты немного отдохнешь, а я просто посижу рядом. Даже не думай! Я ни за что не уйду.

Совершенно измученный близнец заснул, едва закрыв глаза. Рон сел на пол, положив голову на кровать, и через пару минут тоже задремал тревожным, поверхностным сном.

Это была первая ночь после похорон, когда Джордж спокойно спал почти до самого утра. С момента возвращения домой он не проронил ни слова и не съел ни крошки: просто закрылся наверху в их с Фредом комнате и словно исчез, испарился. Ни отец, ни мать не смогли прорваться сквозь жуткую стену горя и отчаянья — только Рону спустя два дня удалось пробить в ней брешь. И только почувствовав его яростную силу, его настойчивое упрямство и горячую любовь, Джордж сдался. И тут же упал, выключившись от непо-

сильного страдания, от накопившейся за много дней усталости.

Утром Рон ходил за братом буквально как нянька. Сначала уговаривал привести себя в порядок, вымыться и сменить одежду. Потом убедил немного поесть и выпить чашку чаю. Джинни с отчаянной тревогой сверлила его взглядом, когда забирала или приносила поднос, но Рон только кивал головой и категорически не разрешал никому входить.

— Всё потом, — полушепотом бросил он сестре, отдавая бумажный сверток с осколками зеркала. — И уберите все остальные зеркала в доме, пока мы тут.

А потом они с братом снова сидели на полу, прижавшись друг к другу. То молча, то вздрагивая от рыданий. Под вечер Джордж притих и немного успокоился.

— Рон... — позвал он тихо. — Мне надо... Проводи меня, умоляю. Мне надо к нему. Иначе я совсем здесь рехнусь.

Рон вздохнул.

— Завтра с утра, договорились? — ответил он. — Вместе.

— Обещаешь?

— Клянусь тебе. Но только вместе. Не вздумай удрать без меня.

Джордж поднял на него глаза, полные чудовищного страдания и беспомощности.

— Удрать... Если бы... Я сейчас вообще ничего не могу, — горько выдохнул он. — Без него...

Он издал сдавленный возглас и закрыл лицо руками.

— Я ничего не могу, — всхлипнул он, уткнувшись Рону в плечо. — Пожалуйста. Сделай что-нибудь...

Тот просто обнимал его, гладил по голове, не пытаясь удержать слезы.

— Я здесь, брат. Я рядом, — повторял он снова и снова, прижимая его к себе. — Я с тобой.

Негромкий стук в дверь заставил его поднять глаза. Рон встал, отпер замок.

— Я подумала, что это не повредит, — проговорила Джинни, протягивая ему большую дымящуюся кружку. — Сонный отвар.

— Спасибо, Джин, — благодарно выдохнул Рон, пряча покрасневшие глаза. — Не представляешь, насколько ты вовремя.

— Держись, Рон, — ответила сестра. — Пожалуйста. Иначе мы не вытянем... С Гарри, кажется, тоже беда. Я к нему — папа договорился на работе, камин вот-вот должны подключить к сети... Иначе в тот дом вообще не попасть... Ронни, хотя бы ты постарайся...

— Не переживай за меня, — буркнул он. — Я справлюсь. Дуй к Гарри, а я здесь... О, Мерлин великий, нельзя было оставлять его одного в этом проклятом доме. Только бы он выдержал...

Рон снова закрыл дверь.

— Джорджи, пожалуйста, выпей это, — сказал он брату, протягивая ему горячий напиток. — Будет немного полегче.

Завтра нам с тобой понадобятся силы...

Тот не стал спорить, поэтому уже через несколько минут, едва успев, по настоянию Рона, переодеться в полосатую пижаму, Джордж уже мирно спал. Рон бросил взгляд на пустую кровать Фреда, потом стащил на пол покрывало, завернулся в него и сел рядом с Джорджем. Голова от усталости и слез была будто свинцовой. Он и сам не заметил, как заснул, свернувшись калачиком прямо на полу.

Утром им предстояло вместе посетить Аллею пятидесяти павших, где в конце ряда под белой плитой вечным сном спал Фред.

* * *

Они вернулись в «Нору» только после двух часов пополудни. У Джорджа было опухшее лицо и вид человека, до крайности измождённого и уставшего. Рон, тоже бледный, с тёмными кругами под глазами, неотступно следовал за ним подобно тени. Джордж направился на кухню, а Рон бесшумно скользнул в гостиную и устало опустился на диван. Голова была тяжёлая, словно свинец. Сейчас он чувствовал себя смертельно уставшим. Но вместе с тем ощущал, что мучительная, изматывающая тревога за брата, которая все последние дни скручивала внутренности чудовищной пружиной, не давая вздохнуть и расслабиться даже на мгновение, все же стала понемногу ослабевать. Рон понимал, что ему удалось главное: Джорджа всё-таки удалось оттащить от края. И сейчас уже можно было надеяться, что понемногу,

шаг за шагом, брат все-таки придёт в себя…

Молли хлопотала у плиты и гремела посудой, расставляя на полках чистые тарелки и чашки. Увидев сына, она уронила полотенце, подошла к нему и порывисто обняла. Джордж, судорожно вздохнув, обнял ее в ответ.

— Прости, мам, — наконец гулко буркнул Джордж, уткнувшись в теплое, мягкое плечо Молли.

— Да что ты, сынок, — срывающимся полушепотом ответила она, гладя его по спине. — Дорогой мой… Что ты… Ни о чем не волнуйся, ладно? Ты дома, мама с тобой, рядом…

Тот только судорожно перевел дух и еще сильнее сжал руки. Мать еще несколько мгновений с нежностью гладила его по голове, потом поцеловала в щеку, провела ладонью по изуродованному уху…

— Джорджи, ты так похудел... Давай-ка, садись. Ронни, иди сюда! Вам обязательно нужно поесть. Хотя бы по тарелке супа.

Бедняга, вздохнув, опустился на стул. Рон сел рядом. Мать торопливо, словно боясь, что сыновья в любой момент могут передумать, стала наполнять тарелки. Над столом тут же разлился чудесный аромат густого куриного бульона. Братья, не говоря ни слова, принялись за дело…

Доев свою порцию, Джордж поднял глаза.

— Мам, а где отец?

— Рано утром умчался на работу, — ответила Молли. — У них там такой хаос… Все с ног сбиваются.

— А… Ну, ладно, — протянул Джордж чуть разочарованно.

Молли поняла без лишних объяснений.

— Поговорите вечером. Знаешь, папа так этого ждет… Он обещал вернуться к ужину. А сейчас тебе не помешает как следует отдохнуть, — проговорила она. — И тебе, Рон… Давайте-ка, ступайте наверх. Я сейчас принесу вам обоим по чашке сонного отвара. И не спорьте с матерью!

Через четверть часа она зашла в комнату к Рону.

— Джорджи уже спит, — тихо проговорила она, ставя на столик дымящуюся кружку. — Уснул, едва голова подушки коснулась. Ох, мой бедный мальчик…

— Это хорошо, — вздохнул Рон. — Ему нужно набраться сил.

— Тебе тоже, дорогой мой, — с нежностью сказала Молли, погладив его по голове. — У тебя такой измученный вид. Ох, Ронни, я так… Я каждый день благодарю Бога за то, что ты у меня есть.

— Ладно тебе, мам, — смутился Рон.

— Спасибо тебе, сынок, — прошептала она. — Я… Я так боялась, что мы потеряем...

— Я не отпущу его, — хмуро прошептал Рон. — Даже не думай.

Но Молли села рядом с ним на кровать и обняла его за плечи.

— Если тебе самому будет невмоготу, ты же скажешь мне,

правда? — тихо спросила мать. — Мальчик мой, я знаю, как тебе тяжело. И что ты стараешься быть сильным ради Джорджа. Но если вдруг… Я всегда рядом, Ронни. Слышишь? Помни об этом. Мама с тобой. Всегда.

Рон вздохнул, устало уронил голову ей на плечо.

— Это так ужасно… — проговорил он. — Невыносимо. Не представляю, как Джорджи… Что будет дальше. С ним. Со всеми нами.

— Не думай об этом сейчас, — ответила Молли. — Ты спас его, сынок. Мы все пытались, но получилось только у тебя. И я вижу, какой ценой это тебе далось. Вижу на твоем лице… Ронни, дорогой мой. Я так горжусь тобой, если бы ты знал... И я непростительно редко говорю тебе об этом… Почему-то всегда что-то мешает. Когда-нибудь, в другой раз. Потом. Постоянно откладываешь на завтра. А потом вдруг…

У нее перехватило дыхание. Молли шумно вздохнула и отвернулась. Рон крепко обнял мать.

— А сейчас я так корю себя. Я так редко говорила ему это. Только ругалась, — сдавленно всхлипнула Молли. — Фредди. Сынок… О, Господи…

— Не надо, мам, не надо, — торопливо зашептал Рон, гладя ее по спине. — Фредди всегда знал, что ты его любишь. Что у нас лучшая мама на свете. Мы все это знаем, честное слово.

— Ох, Ронни, солнышко, — вздохнула Молли, прилагая невероятные усилия, чтобы взять себя в руки. — Прости, по-

жалуйста. Я не должна… Просто это так тяжело, что я не всегда могу… Не обращай внимания. Сейчас… Я сейчас. Вот, уже все прошло.

Она подняла голову, посмотрела на сына с невыразимой нежностью, снова погладила по голове, провела по щеке.

— Тебе нужно побриться, дорогой, — попыталась улыбнуться она. — Гляди, какая щетина. Но сначала выспись, как следует. Выпей отвар, пока совсем не остыл. И ложись.

— Хорошо, — покладисто согласился Рон. — Спасибо, мам.

Молли поцеловала его в лоб и поднялась.

— Мама любит тебя, — проговорила она едва слышно. — И я всегда рядом. Помни об этом, ладно?

— Я тоже очень тебя люблю, мам, — выдохнул Рон, чувствуя, как сильно сжимается горло. Он был очень благодарен матери за эти пронзительные, искренние минуты. Хватило нескольких ее слов, чтобы наполнить его истерзанную душу целительным теплом.

Он уронил голову в ладони, потер виски — боль становилась все сильнее. Да, ему и вправду требовалось восстановить силы. Впереди были нелегкие времена…

Вечером первые с момента похорон семья Уизли собралась за столом. Джордж сидел, откинувшись на спинку стула, безмолвный и неподвижный. Он рассеянно смотрел куда-то перед собой, глубоко погрузившись в свои мысли. Мать, как обычно, хлопотала, собирая нехитрый ужин. Джинни взвол-

нованно теребила отца за рукав.

— Ну, что там с каминной сетью, пап?

Артур вздохнул.

— В министерстве сейчас такой хаос. Вроде к утру сеть уже должна заработать. Артемис обещала посодействовать…

— Мне нужно к нему, как можно скорее, — тихо выдохнула Джинни. — Я не могу ждать до утра…

Артур погладил ее по руке.

— Не переживай так, дочка. Гарри не тот человек, чтобы сделать глупость… Все будет хорошо, вот увидишь. Но ты права — мы не должны были его отпускать. Надо было настоять...

— Если Гарри уперся, его никто не переубедит, — проворчал Рон. — Решил, что будет нам мешать, что так лучше… Сколько я ни пытался. Без толку.

Он вздохнул, обменялся взглядом с сестрой, потом повернулся к Джорджу. Тот по-прежнему рассеянно смотрел в пространство. Он словно находился где-то далеко… Рон тоже очень тревожился за Гарри, но вместе с тем понимал, что иначе поступить не мог: оставить Джорджа было немыслимо. И эти несколько дней были для брата решающими. Огромным шагом вперед было даже то, что он вышел к ужину, что сидел сейчас вместе со всеми за одним столом.

Молли, наконец, закончила все приготовления и села рядом с мужем.

Никогда еще семейные трапезы в «Норе» не были такими тихими. В кухне было слышно только постукивание ложек и вилок. Потом засвистел закипевший чайник, зазвенела грязная посуда, отправляемая в раковину… Наконец, Артур встал и подойдя к Джорджу, мягко положил руку ему на плечо. Тот, будто очнувшись, чуть тряхнул головой и поднял взгляд.

— Не поможешь мне? — спросил Артур. — Надо сделать кое-что в сарае. Если тебе не трудно…

— Да, пап, — кивнул Джордж. — Конечно.

Они вышли из кухни, хлопнула входная дверь…

Джордж остановился в нескольких шагах от низкого каменного строения, где Артур хранил самую разную всячину. Обернулся. Встретился взглядом с отцом. Тот лишь молча прижал его к сердцу.

— Прости, пап, — еле выговорил бедняга, прижавшись щекой к отцовскому плечу. Артур лишь крепче сжал руки и тяжело вздохнул.

— Я все понимаю, — прошептал он. — Ты дома, сынок. Ты не один.

— Знаю, — прошелестел Джордж. — Но все это… Я не выдержу. Я не смогу.

Он зажмурился и напрягся, подавив и проглотив горестный вопль.

Артур взял сына за плечи.

— Ты должен, Джорджи, — твердым, тихим голосом про-

изнес он. — У тебя нет другого выбора. Ради матери. Ради меня. Ты всегда был сильным и храбрым. И сейчас самое время… Мы должны справиться с этим, понимаешь? Иначе всё было зря. И все эти жертвы… Иначе он…

Артур осекся. Имя погибшего сына он выговорить не смог. Но это было и не нужно — Джордж понял.

— Пап, я не знаю, что делать, — растерянно произнес он. — Мы же всегда… С самого детства. Вместе. А теперь…

Он отвернулся, снова сглатывая рыдание.

— Нам всем придется научиться, — тихо ответил отец. — Твоя мама плачет каждую ночь. Рон почти не спит. Джинни почти не разговаривает… Все изменилось. Но… Сынок, ты ведь не сдашься, правда?

Джордж повернулся к отцу. Тот снова прижал беднягу к сердцу, гладя по голове.

— Пожалуйста, — проговорил Артур. — Попытайся, ладно? Он точно не одобрил бы, если бы мы все погрузились в отчаянье и опустили руки. Нам всем надо постараться. Ради него.

— Знаю, — сдавленно всхлипнул Джордж. — Но я не умею без него… Я ничего не умею…

— Не торопись и ни о чем не тревожься. Понемногу. Шаг за шагом. Не сразу, — ответил отец. — Просто позволь нам помочь тебе. Только не прячься. Не сдавайся, хорошо? Мы очень любим тебя. И сделаем что угодно.

— Да, — вздохнул Джордж. — Рон… Я даже не думал,

что он… Может вот так.

— Он всегда был немного в тени, — кивнул Артур. — Поэтому мы все недооценивали его. Ты прав. Ронни молодчина. Я так горжусь им.

Джордж чуть помолчал, будто собираясь с духом. А потом тихо и серьезно проговорил:

— Пап, а если я не смогу? Я теперь… Я не знаю, что делать. Понимаешь? Я никогда не существовал без него. Мы всегда… А теперь я даже не знаю, кто я.

— Просто не сдавайся, — повторил Артур. — А когда невмоготу, знай, что у тебя есть семья. Мама и папа. Рон, Билл, Чарли, Перси, Джинни. Ты можешь прийти к любому из нас, помни это. И ничего не объяснять.

— Ронни говорит то же самое, — вздохнул Джордж. — Что он… Сколько потребуется.

— Он будет рядом всю жизнь, если ты позволишь, — кивнул отец. — Я знаю, что Рон не сможет заменить тебе… Никто не сможет. Но он сможет помочь. Если ты ему разрешишь. Ведь твоему младшему брату тоже нужна помощь, сынок. Он ужасно мучается. И из-за потери, и от тревоги за тебя. И ты можешь помочь ему хотя бы в этом…

— Я всегда самонадеянно полагал, что я сильный, — горько бросил Джордж.

— Конечно, ты сильный, — отец не дал ему договорить. — Но даже у самых сильных людей бывают черные дни, когда им нужна поддержка. И даже у самых стойких есть уяз-

вимые места. И даже у самых лучших людей бывают такие раны, которые никогда не заживают. Джорджи, сынок, взгляни, через что прошел Гарри. Что ему пришлось пережить. А ведь ему даже восемнадцати еще нет…

— Я вообще не представляю, как он это делает, — буркнул Джордж. — Я бы давно спятил на его месте.

— Да, пожалуй. Я никогда не видел человека сильнее и отважнее, — сказал Артур. — А я на своем веку видел многих храбрецов. Но этот мальчик… Смотри на него, сын. Бери пример с Гарри. И помни, каждую минуту помни, что ты не один. Только не сдавайся, ладно? Шаг за шагом, день за днем… Мы научимся. Пока не ставь себе больших задач — для них придет свой срок. Не сейчас…

— Спасибо, пап, — вздохнул бедняга. — Поверь, я не хотел доставлять вам лишних хлопот, но… Так получилось.

— Не думай об этом, — отец потрепал его по голове. — Ты дома. Я рядом. Мама рядом. И Ронни… Позволь нам тебе помочь, хорошо?

Этот разговор изменил всё.

Джордж, прижавшись щекой к плечу отца, вдыхая вечерний прохладный воздух, чувствовал себя так, будто только что выбрался из тесной, темной ловушки. Рон, упрямый и отважный младший брат, без раздумий прыгнул к нему, в кромешную тьму одиночества и смертной агонии, решительно сгреб в охапку и, не обращая внимания на его протесты и сопротивление, выволок из гроба. Да, подумал Джордж, ша-

гая с отцом к каменному сараю, имея такую опору, действительно можно попробовать выбрать жизнь...

В течение всей следующей недели Рон сопровождал Джорджа на кладбище и проводил там вместе с ним по несколько часов. И только так, шаг за шагом, уговорами и упрямой настойчивостью, Рон снова и снова оттаскивал брата от края бездны. День за днем он заново учил брата пить и есть, дышать и спать, расчёсываться и вообще следить за своим внешним видом, понемногу возвращая Джорджа в реальность из черного мрака безумия, едва его не поглотившего. Из чудовищной пустоты помешательства — в опустевший мир, в котором больше никогда не зазвучит смех Фреда Уизли, но в котором были отец и мать, братья и безутешная, измученная тревогой младшая сестра...

Куда бы Джордж ни направил свой взгляд — он всегда видел рядом с собой младшего брата. Рон будто стал его тенью, безмолвной опорой. Несокрушимым щитом. Его упрямое постоянство и горячая любовь стали будто коконом, в котором искалеченный близнец, беззащитный и беспомощный в своем чудовищном горе, скрылся ото всех и набирался сил для новой жизни, которую ему теперь предстояло вести.

Для жизни без Фреда.

Жизни, которая уже никогда не будет прежней.

Глава 3. Пепел

— Гарри! Гарри! Пожалуйста! Очнись!

Откуда-то из темного, тяжелого тумана послышался голос Джинни.

Странно. Откуда она взялась?

Он с трудом разлепил глаза, привычным жестом пошарив вокруг рукой.

— На, держи.

Джинни стояла, склонившись над ним, и протягивала ему очки. В другой руке она держала пустую бутылку. Видимо, подобрала рядом с диваном.

— Мерлин бородатый, чем ты тут занимался? Такой разгром… А вид у тебя...

В обшарпанной гостиной царил жуткий беспорядок. В солнечном свете, пробивавшемся сквозь высокие пыльные окна, были видны смятые старые газеты, там и тут валявшиеся на полу, многочисленные пустые бутылки, какие-то засохшие корки, осколки битого стекла, тряпки… Массивные бархатные шторы кое-где были оборваны и лежали на полу бесформенными кучами. На стене красовалось большое темное пятно.

Гарри лежал на диване посреди всего этого хаоса и пытался прийти в себя. Да что там греха таить — для начала хотя бы вспомнить, какой сегодня день…

Гарри сел, потирая лицо рукой. Мда... Многодневная щетина. Физиономия опухшая. Голова дико трещит с похмелья.

— Джинни! Как ты тут очутилась? — спросил он глухо.

— А ты поглупел за последние дни, Гарри Поттер, — с легкой иронией заметила Джинни. — Если ты помнишь, папа работает в министерстве магии. По его личной просьбе твой камин подключили к сети летучего пороха.

Гарри с тревогой вскинул взгляд.

— Что-то случилось?!

Джинни вздохнула и села рядом с ним.

— Нет, не волнуйся. Ничего такого… Мне просто очень захотелось тебя увидеть. Несколько дней, как ты исчез и… Я поняла, что с тобой что-то неладно. Почувствовала... Гарри, я пришла за тобой. Так надо. Пойдем.

Ему не хотелось шевелиться. Он снова бухнулся носом в подушку. Джинни села рядом, погладила его голове.

— Гарри. Тебе нельзя сейчас быть одному. Это неправильно. Пойдем со мной.

Он вздохнул, сжал ее узкую ладонь и снова закрыл глаза.

— Не сейчас. Джинни, я не хочу никого видеть. Я не могу… Мне нужно просто немного времени. Нужно отдохнуть…

— Я вижу, как ты тут отдыхаешь, — тут же парировала Джинни. — Удрал от всех, закрылся в этом склепе. И дальше что? Собираешься пить до белых чертей? Ты это называешь отдыхом? Тогда вот что: я останусь здесь. И тоже буду

отдыхать!

Гарри открыл глаза: на лице Джинни читались боль и решительность. О, он слишком знал это выражение, чтобы сомневаться в твердости ее намерения. Еще чего доброго, действительно переселится к нему и начнет глотать виски прямо из горлышка… Он снова сжал ее теплую ладонь.

— Джинни, ну, пожалуйста, — взмолился он. — Я не могу… У вас дома и без меня сейчас хватает проблем. А больше мне некуда идти. И я не хочу. Не могу больше никого видеть. Мне нужно собраться с силами…

— Вылакав в одиночестве ящик огненного виски? — чуть съязвила Джинни. — Нет, Гарри. Тебе нельзя сейчас быть одному. Посмотри только, на кого ты стал похож за пару дней! Страшно даже представить, что будет, если оставить тебя здесь еще на неделю… Нет, Гарри. Тебе не нужно справляться со всем одному. Пожалуйста, доверься мне. Пойдем. Сначала приведем тебя в порядок. Надеюсь, ванная комната исправна? Ну, давай же. Поднимайся.

Он с трудом сел. Тяжело вздохнул и послушно поплелся в ванную. Спорить с Джинни он был не в состоянии.

* * *

Камин полыхнул зелёным. Гарри, наконец, остановился и огляделся по сторонам.

— Джинни, какого черта?! Опять Хогвартс?! — закричал он с гневом, поняв, что каминная сеть вынесла их прямо в школьную учительскую. — Это самое последнее место, где

я хотел бы сейчас находиться! Для чего опять ты притащила меня сюда?!

Неожиданно сильная ярость захлестнула его. Однако, Джинни это даже не удивило.

— Это очень хорошо, что ты еще в состоянии злиться, — невозмутимо произнесла она, отряхиваясь. — Я просто хочу помочь тебе, Гарри. Я не могу позволить тебе сдаться и утонуть во всем этом. Ты не для этого вернулся.

— А для чего?! — завопил он, с яростью смахивая с каминной полки пару медных подсвечников. — Тогда расскажи мне, для чего этот чертов спаситель волшебного мира вернулся с того света! Неужели ты не понимаешь, Джинни?! Мне надоело натыкаться на толпы людей, которым нужно пожимать руки и улыбаться. Я не могу больше! Я смертельно устал, я не хочу никого видеть!

— Гарри, пожалуйста. Для начала просто поговори со мной, — ответила девушка. — Можешь сколько угодно кричать, ругаться и крушить все вокруг. Делай что хочешь! Только не молчи и не прячься. Пить в одиночестве до беспамятства — это ведь не выход. Ты же и сам это понимаешь.

Еще несколько мгновений он тяжело дышал, глядя в пыльное окно. Бешеный всплеск гнева угас так же быстро, как и возник. Гарри почувствовал ужасную усталость, тяжело опустился на стоявшее рядом с камином большое кресло, обхватил чугунную голову руками и закрыл глаза. Джинни присела рядом.

— Ничего я больше не понимаю, — медленно и глухо проговорил Гарри, не открывая глаза. — Я даже жалею, что вернулся. Из того светлого места. Я видел там Дамблдора, и он сказал, что я могу выбрать, что можно пойти дальше. Наверное, так и нужно было сделать...

Джинни ахнула и тряхнула его за плечи.

— Никогда не говори так! Слышишь! Даже думать не смей! Если бы ты знал, КАК это было, когда Хагрид принес тебя. Когда я увидела...

Она изо всех сил обняла его.

— Ты мне нужен, Гарри. Ты. Мне. Очень. Нужен. Особенно сейчас, когда Фред... Я... я не могу...

Руки у Джинни задрожали, она ткнулась в его плечо. Гарри понял, что она плачет, и прижал ее к себе.

Некоторое время они просто молча сидели, обнявшись. Комната была пуста, им никто не мог помешать. Через несколько минут Гарри тяжело вздохнул и проговорил глухо, глядя в пол:

— Я не знаю, что делать, Джинни. Я думал, что когда убью Волдеморта, я почувствую радость и облегчение. Думал, что буду счастлив. Но всё это чересчур... Я постоянно вижу их, понимаешь? Они все погибли, а я какого-то черта жив. Почему они? Почему не я? Джинни, я не знаю, как смотреть в глаза твоим родителям. Джорджу. Рону. Тебе. И другим. До смерти не забуду, как плакал Чарли на похоронах… А родители Криви — ты видела их лица? А миссис Тонкс? Я не

знаю, что мне со всем этим делать.

Джинни молчала. Гарри положил голову ей на плечо и почувствовал, что из глаз хлынули слезы. Сдерживаться сил не было.

— Мальчик-Который-Выжил! — всхлипнул он сдавленно. — Господи, лучше бы я умер!

— А ты ведь и так умер, Гарри, — тихо произнесла Джинни, гладя его по голове, когда он перестал вздрагивать и немного утих. — Вспомни. Ты пошел навстречу Волдеморту и добровольно подставился под убивающее заклятие. И тебе уже было хорошо и спокойно. Ты сам говоришь — ты ушел, и там увидел Дамблдора, так ведь? А потом вернулся. И я знаю, почему. Потому что еще оставалась змея. И сам Волдеморт со смертоносной палочкой. И битва еще не кончилась. Ты ведь вернулся не ради себя. А ради нас всех. Чтобы все завершить, чтобы никто больше не погиб из-за этой гадины. И у тебя получилось. Ты победил. Ты закончил эту войну. Ты одолел его, Гарри.

— Да, победил, — выдохнул он горько. — Смог избавиться от Волдеморта, но никого не могу вернуть. Ни Фреда, ни Римуса, ни Тонкс. Никого… И жить с этим не могу.

Джинни судорожно перевела дыхание.

— Фред не хотел бы, чтобы ты винил себя. Я точно знаю. Он любил тебя.

Она всхлипнула.

— И я люблю тебя. И я не позволю тебе сдаться сейчас,

когда всё страшное позади. Я не отпущу тебя. Ни за что не отпущу…

— Я чувствую себя лишним, Джин, — продолжил он едва слышно. — Мне следовало остаться среди них. А так… Повис, как в петле. Ни живой, ни мертвый. Ни там, ни здесь.

— Родной мой, — прошептала она, гладя его по голове. — Это только сейчас так кажется. Это пройдет, вот увидишь. Не сразу, но пройдет, поверь мне. Ты не один, Гарри. Теперь я рядом. И ни за что не отпущу тебя, слышишь? Ты ведь только сейчас начинаешь жить по-настоящему. До сегодняшнего дня ты просто боролся со смертью, а не жил...

— Жить нечем, Джин. Внутри все будто выгорело, — глухо проговорил он, покачав головой, через силу выталкивая из себя слова. — Будто ничего больше нет и не будет. Ни жизни, ни радости. Я ничего не чувствую. И ничего не хочу. Сил нет.

— Знаю. Это не навсегда. Потихоньку мы справимся с этим, вот увидишь. Только не убегай больше. Не прячься. Все эти дни мы страшно беспокоились за тебя. Поверь, никто ни в чем тебя не винит. Мама четыре раза в день спрашивает, когда ты вернешься. И Джордж сегодня утром велел привести тебя к нам. А Рон поклялся приволочь силой, если не согласишься. Гарри, ты ни в чем не виноват! Ты заплатил за победу ничуть не меньше, чем Фред или Тонкс. И сейчас это очевидно, как никогда… Мне кажется, что тебя может излечить только какое-то дело. Тебе не в себе ко-

паться надо, а просто занять руки. Поэтому я привела тебя сюда. В Хогвартсе сейчас очень много работы. До сентября, как ты понимаешь, нужно привести школу в порядок, а здесь такой хаос… И стройматериалы надо доставлять, и волонтеров разместить. Всех накормить. Да хотя бы понять, что и как восстанавливать! Макгонагалл разослала всем письма. Многие из наших уже здесь, в замке. Каждый помощник — на вес золота… Но если ты не хочешь, тебя никто не станет заставлять. Тогда я сейчас же заберу тебя домой, и все.

Гарри снова закрыл глаза и положил голову ей на плечо. Джинни тихонько поцеловала его в макушку и вздохнула.

— Знаешь, маме это здорово помогло, — еле слышно продолжила она. — Работа. Мы вернулись домой… А на полу лежит стрелка из часов. С именем… Сама выпала, представляешь? Маме стало плохо. А на следующий день мы с ней уборку затеяли. Во всем доме. И целыми днями все мыли, чистили, стирали безо всякой магии. И она, заняв руки, както понемногу отошла. Плачет, конечно, но только когда думает, что ее никто не видит. Мама вообще хорошо держится. Я думала, что будет хуже… Джорджи тоже немного ожил. Это все Рон. Господи, если бы не он, я вообще не представляю, что бы мы делали…

— Да. Рон… Как он вообще? — спросил Гарри. Имя друга действовало на него подобно солнечному лучу.

— Нормально, — ответила Джинни. — Ему тяжко пришлось, конечно. Все эти дни Рон почти не спал. Из-за Джор-

джи… Но сейчас уже лучше, можно надеяться, что он поправится.

— Я даже представить не могу, каково Джорджу, — сказал Гарри. — Никогда не забуду его лицо в тот день…

Он вспомнил прощание и похороны, и в сердце опять зашевелился этот черный острый осколок, который разрывал его изнутри все последние дни. Джинни будто почувствовала это, обняла, поцеловала в висок и принялась тихонько гладить по голове. И ее осторожные прикосновения были подобны утреннему солнцу, которое заливает светом даже самые темные и заплесневелые углы, стоит лишь отдернуть шторы… Гарри закрыл глаза, затих и просто провалился в эти ощущения, как смертельно уставший человек падает на мягкую перину и тут же засыпает.

Неизвестно, сколько времени прошло прежде, чем ему снова захотелось пошевелиться. Кажется, он даже задремал. А перед этим успел подумать, что вероятно Джинни права, что стыдно так раскисать и заниматься самоедством, что пора взять себя в руки…

Открыв глаза, он увидел камин. Сразу вспомнил, где находится. И на Гарри снова навалилась вязкая, злая досада.

— Джинни, если кто-то подойдет и скажет хоть слово… — глухо проговорил он. — Про победу или героизм… Клянусь. Я больше не выдержу. Мне нельзя здесь находиться, пойми. В порыве гнева я могу кому-нибудь навредить.

— Я понимаю, — отозвалась она и легонько погладила его

по руке. — Но знаешь, это можно уладить. Сейчас в замке много наших. Они не станут тебя мучить разговорами и другим не позволят. Просто будут работать рядом и приглядывать. Гарри, тебя никто в обиду не даст, уверяю тебя!

Это прозвучало так необычно, что все остатки сонливости слетели, как паутина. Рядом были люди. И эти люди готовы приглядывать за ним, готовы даже защищать его…

— С чего ты вдруг так решила? — переспросил он. — У всех свои проблемы…

Джинни неожиданно рассмеялась.

— Дурачок, — с нежностью проговорила она, целуя его в висок. — За тебя они глотку перегрызут. Невилл пообещал, что отрежет голову любому…

— Ч-чего?! — вскинулся Гарри.

Джинни улыбнулась.

— Когда ты спал в комнате мадам Помфри, вокруг все галдели и бегали туда-сюда, Невилл пришел к дверям, поставил себе стул, взял в руки меч Гриффиндора и заявил, что если кто-то издаст хотя бы один громкий звук и разбудит тебя, поплатится головой.

Джинни хихикнула.

— Видел бы ты его! Все тут же заткнулись! И остаток дня ходили на цыпочках, хотя бедняга Невилл тоже заснул минут через десять. На том же самом стуле. И тогда рядом сел Симус. А потом — Дин. И Майкл… Потом пришли Рон с Гермионой. Но в конце концов мадам Помфри всех разогнала

по общежитиям. Рон хотел дождаться твоего пробуждения, но он даже стоя уже засыпал…

Гарри ничего не сказал. Горячая волна благодарности прошлась по всему телу. Он вдруг снова очень ясно ощутил собственное живое тело. Пошевелил пальцами, несколько раз сжал и разжал кулаки, пытаясь прочувствовать свою силу. Да, голова еще побаливала, но в теле по-прежнему билось сердце, разгоняя кровь по жилам. Он был жив. И совершенно здоров физически. А это значит, что он мог внести свой вклад в восстановление замка…

Они еще немного помолчали. Вдруг Джинни встрепенулась от какой-то догадки, только что пришедшей ей в голову.

— Гарри! Послушай. Я вот о чем подумала. Выручай-комната. Тебе нужно снова попытаться ее открыть!

— Почему? — удивленно поднял голову Гарри. — Нет, ничего не выйдет. После того пожара... Это было бы чудом. Сейчас у меня нет сил даже ботинки зашнуровать как следует. Не то что чудеса творить. Чувствую себя жалким сквибом, хуже Филча.

— Нет, Гарри, это не так, — горячо возразила Джинни. — Если ты исцелишь раны Хогвартса, Хогвартс исцелит тебя. Тот, кто ищет помощь в замке, всегда получает ее, помнишь? Во всяком случае, ничто не мешает тебе попробовать. Все равно это гораздо лучше, чем закрыться в четырех стенах с визжащим портретом мадам Вальбурги Блэк и сходить с ума, опустошая бутылки.

Конечно же, она права. Он вздохнул, снял очки и принялся старательно протирать заляпанные стекла. И внезапно остро устыдился своей слабости. Смутился. И правда, непростительно так раскисать.

Однако Джинни угадала и это.

— Нет, — тихо сказала она, беря его за руку. — Гарри, посмотри на меня, пожалуйста! Запомни: тебе нечего стыдиться. То, через что ты прошел... Не знаю, кто еще вынес бы всё это. И тебе не нужно держать передо мной лицо и изображать бодрость. Никогда не прячься, прошу тебя. Я и без этого отлично знаю, что ты очень сильный, Гарри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.